

Цзян Жан со вздохом поднялся с низкой табуреточки, разминая затекшую поясницу. Во дворе аккуратными рядами уже выстроилось больше десятка бамбуковых корзин и коробов.

— Через пару дней сплету еще немного, и можно будет везти их на продажу в Город Процветающего Ян, — прикинул юноша, сосредоточенно загибая пальчики. — Помню, раньше за три короба давали целый медный грош!

Фан Чжуншань нахмурился, не соглашаясь:

— И все твои труды стоят какого-то медного гроша?

Юный шуаньэр трудился без устали почти весь день, то и дело рискуя до крови порезать пальцы об острые бамбуковые щепы. Он вложил столько сил в эти ладные, изящные вещицы, а за них давали сущие крохи!

Видя, как закипает от возмущения его ханьцзы, Цзян Жан лишь мягко улыбнулся и покачал головой:

— Старший брат Чжуншань, ты, должно быть, никогда сам не покупал ничего на уличных развалах в Городе Процветающего Ян. Плетенные корзины — товар копеечный. Бамбука в горах полно, бери не хочу, вот ребятишки из бедных семей и плетут их на продажу, чтобы хоть как-то помочь родителям. А когда товара в избытке, цена ему грош!

Цзян Жан ухитрился распродавать свои изделия и выручать по две-три монетки только благодаря урокам покойного дедушки. Старик обучил его на совесть: прутья ложились один к одному, а сама лоза выходила гладкой, без единой зазубрины или занозы. Такие аккуратные короба раскупали куда охотнее.

Слова словами, но Фан Чжуншаню было больно смотреть на истертые докрасна пальцы супруга. Он упрямо покачал головой и, подняв лежащий ближе всех короб, твердо произнес:

— Значит, и продавать не станем. Я тут нашел в горах верный способ заработать, так что твои корзины мне самому пригодятся. Будешь отныне плести только для меня, договорились? Считай, что я забираю весь твой товар!

Решив, что муж собрался промышлять охотой вместе с дядей Линем, Цзян Жан придирчиво осмотрел небольшую корзину в своих руках. В такую от силы три-четыре кролика поместятся.

— Тогда я сплету другие, побольше, — с беспокойством предложил он. — В эти мелкие короба много дичи не поместится.

Фан Чжуншань понял, что юноша неверно его истолковал, но разуверять не стал — пусть пока заблуждается.

Сбор лекарственных трав пока оставался лишь планом. Судя по рассказам дяди Линя, в Стране Великого Спокойствия это ремесло испокон веков передавалось из поколения в поколение. Столь древние касты неохотно принимали чужаков и ревниво оберегали свои секреты. У Чжуншаня не водилось ни связей, ни нужных знакомств, и на пути его ждало немало подводных камней. Он не хотел обнадеживать Цзян Жана раньше времени: если затея прогорит, тот лишь напрасно расстроится.

Цзян Жан, впрочем, тоже таил в душе свои заботы. Ему очень не хотелось, чтобы муж становился охотником. Мало того что карабкаться по кручам — сплошной изнурительный труд, так еще и дикие горы таили в себе слишком много опасностей. Чжуншаня в родном доме всегда холили и лелеяли — откуда у него силы терпеть подобное лихо?

Но видя, с каким жаром старший брат взялся за дело, Цзян Жан не посмел портить ему настрой. Он смолчал, затаив тревогу поглубже, и лишь твердо решил про себя: если у мужа ничего не выйдет, он просто станет плести больше корзин и чаще возить их на базар. Пусть доход и копеечный, но на пропитание им как-нибудь хватит.

Не догадываясь о переживаниях супруга, Фан Чжуншань примерил короб к руке:

— Завтра дядя Линь переведет дух, и мы снова двинемся в чащу.

Глаза Цзян Жана радостно блеснули, и он поспешно кивнул:

— Дома как раз осталось немного риса и мяса. Я приготовлю вам с собой сытный рис с тушеным кроликом! В горах горячее будет в самый раз. На сытый желудок и работа спорится!

Пока юноша хлопотал у очага, Фан Чжуншань тоже не сидел сложа руки. Еще когда он рубил бамбук на склоне, ему приглянулись два плоских ромбовидных осколка. На ощупь камни оказались плотным точильным песчаником — лучшего материала для доброго каменного ножа и не сыскать.

Железо и бронза в этих краях водились, но из-за несовершенства плавки ценились на вес золота. Обычной деревенской семье металлические орудия были не по карману. В деревне Речного Отдыха промышляло немало охотников, но никто из них отродясь не держал в руках настоящего стального клинка. Все по старинке пользовались кремневыми топорами да каменными ножами.

Устроившись поудобнее на крыльце, Фан Чжуншань принялся неторопливо вытачивать лезвие. В тайге без хорошего клинка ни зверя завалить, ни корень целебный выкопать, поэтому Чжуншань трудился на совесть. Всего он сработал две штуки. Свой нож он довел до идеала: лезвие получилось тонким, хищным и удивительно хвостистым.

Закончив дела у плиты, Цзян Жан вышел во двор на ритмичный скрежет камня. Вытирая руки о фартук, он ласково спросил:

— Помочь тебе, старший брат?

Фан Чжуншань взвесил готовое оружие на ладони, лихо крутанул его между пальцами и с улыбкой протянул юноше:

— Ну-ка взгляни. Хорош клинок?

Всем своим видом он так и лучился мальчишеским хвастовством, словно безмолвно выпрашивал похвалу за свою работу.

Цзян Жан, привыкший к вечной серьезности мужа, не мог не умилиться этой редкой детской непосредственности. Он с готовностью подыграл ему:

— Ух ты! Братец Чжуншань, да это самый грозный нож на всем белом свете! Ни у одного охотника в нашей деревне такого нет.

На самом-то деле юноша охотников видел от силы пару раз в жизни, а уж в их снаряжении и вовсе ничего не смыслил. Нехитрая лесть лилась рекой, но Чжуншань принял ее за чистую монету. Довольный комплиментом, он еще раз с гордостью осмотрел свое творение и бережно спрятал нож за пояс.

Сделав шаг навстречу, он мягко коснулся ладонью мягких волос на затылке юноши и тихо спросил:

— Все еще тревожишься из-за скорого возвращения в отчий дом?

Улыбка сошла с лица Цзян Жана, и очаровательные ямочки на его щеках мгновенно пропали. После того короткого разговора перед сном они оба молчаливо обходили эту тему стороной. Никто не хотел беречь старые раны. Но если посчитать дни, до положенного срока оставалось всего двое суток.

С каждым часом на душе у Цзян Жана становилось все тревожнее. И все же, видя, как усердно Чжуншань готовится к выходу в тайгу, он изо всех сил старался держать свои страхи при себе, чтобы не обуревать мужа лишними заботами. От неожиданного вопроса к горлу подкатил горький ком, а в глазах предательски зашипало. Цзян Жан поспешно опустил голову, пряча лицо.

Чжуншань мысленно вздохнул. Всем хорош его шуаньэр, да только слишком привык все горести носить в себе, вечно боясь стать для кого-то обузой.

— Не бойся ничего. Пока я рядом, никто тебя не тронет.

"Пока я жив, семейка Цзян и пальцем тебя не коснется. Пока я жив, я им за каждую твою слезинку сполна отплачу. Пока я с тобой, у тебя будет все самое лучшее."

Чжуншань не умел красиво говорить и изливать душу, а потому его обещание прозвучало просто и весомо. Но Цзян Жан не искал пышных клятв. Этих простых слов хватило, чтобы его сердце наполнилось тихой радостью. Он счастливо улыбнулся и кивнул, доверяя своему ханыцы безраздельно.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, отдохнувший за день Линь Фэн уже стучал в ворота с каменным ножом на поясе, готовый вести Чжуншаня на Гору Одинокого Шамана. Вчерашние труды дались Цзян Жану нелегко, и обычно ранний юноша сегодня крепко спал, свернувшись калачиком и обхватив обеими руками плечо мужа.

Услышав негромкий стук с улицы, Фан Чжуншань затаил дыхание и осторожно, чтобы не побеспокоить чуткий сон супруга, высвободил руку и бесшумно соскользнул с кровати.

С вечера заготовленный Цзян Жаном тушеный кролик с рисом томился в глиняном горшке на краю печи. Теплые печные угли за ночь не успели остыть, так что завернутый в холстину завтрак все еще исходил паром.

Приняв из рук Чжуншаня плетеный туесок с деревянными плоскими, Линь Фэн завистливо цокнул языком:

— Ну и повезло же тебе с шуаньэр! Золотой у тебя парень. Сколько лет по тайге хожу, а горячий обед с собой беру впервые. И все благодаря тебе!

Фан Чжуншань не удержался от самодовольной улыбки:

— Мой Жан-эр не только готовит славно, но и заботится обо мне как никто другой. Так что привыкай, дядя Линь, теперь тебе частенько будет перепадать от моих щедрот!

В его голосе сквозила такая неприкрытая нежность и гордость за своего ненаглядного шуаньэр, что шагающий впереди Линь Фэн аж поморщился, словно наелся незрелой алычи.

"Тоже мне, счастливый молодожен! Подумаешь, разжился семейным гнездышком!"

Гора Одинокого Шамана была огромной, дремучей горой. На этот раз Линь Фэн свернул на едва приметную тропку, известную лишь ему одному.

— Прошлый раз мы ходили туда, где дичь полегче промышлять, — на ходу пояснял охотник,

раздвигая тяжелые ветви ельника. — Сегодня же я покажу тебе заповедное место у горного ручья. Туда никто из деревенских не забредает, я и сам его нашел чистой случайностью.

Линь Фэн знал эти дебри как свои пять пальцев. Чжуншань полностью полагался на его опыт, а потому без лишних расспросов шел следом. Они долго пробирались сквозь бурелом, утопая по щиколотку во влажном мху.

Когда ноги уже гудели от усталости, а подошвы поршней из сыромятной кожи едва не протерлись до дыр, сквозь лесную глушь донесся долгожданный журчащий шум бегущей по камням воды. Линь Фэн прибавил шагу и обернулся к тяжело дышащему спутнику:

— Ну же, не отставай! Считай, добрались.

Стиснув зубы, Фан Чжуншань сделал последнее усилие и вырвался на открытую поляну. Взглянув туда, куда указывал охотник, он невольно замер от восхищения. Перед ними раскинулось ущелье, по дну которого с тихим ревом мчался чистейший горный поток. Он оказался куда шире, чем Чжуншань себе представлял. Вода срывалась со скалистого уступа пенным водопадом, разбиваясь о гладкие валуны мириадами сверкающих брызг, отчего в ущелье стоял густой, прохладный туман.

— Ну как тебе улов? — довольно ухмыльнулся Линь Фэн. — Там под обрывом глубокий омут. Вода ледяная, а рыба в ней жирная, непуганая, годами нагуливала бока. Я тут знатных линей да хариусов налавливал. Считай это моей благодарностью твоему Жан-эру за сытный завтрак. Наловим сегодня побольше — знатная ушица выйдет!

Однако в душе Фан Чжуншаня разгорался куда более сильный восторг. Внимание его привлекла вовсе не рыба в омуте — заговорило чутье опытного травника. Они еще даже не спустились к воде, а его цепкий взгляд уже выхватил среди прибрежных камней сочные стебли редких целебных растений, о которых он раньше читал лишь в древних книгах.

<http://bllate.org/book/19394/1959664>